

«МИРОВАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ КРИЗИСА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ»

28 мая 2010 года
гостиница Baltic Beach Hotel, Юрмала

Резюме

В своей вступительной речи министр иностранных дел Латвийской Республики **Айвис Ронис** указал, что ценности остаются ориентиром, точкой отсчета и целью для латвийской внешней политики. Эта политика «должна стоять на трех китах. Во-первых, на скоординированной и солидарной стратегии Европейского союза по выходу из кризиса. Во-вторых, на сотрудничестве в рамках обновленного НАТО, страны-участницы которого могут справиться со старыми и новыми угрозами. И, наконец, в-третьих, на сотрудничестве с соседями. Я думаю, что для нашей страны это сейчас единственный правильный рецепт, чтобы сохранить безопасность, мы можем привлекать ресурсы, использовать государственное управление и стимулировать экономику, чтобы добиться конкурентоспособности. Это ответственная политика по отношению к нашим партнерам, соседям и союзникам», – отметил министр.

А. Ронис выразил пожелания Латвии в вопросе отношений Латвии с США, ЕС и Россией: «Мы хотим, чтобы США из-за своей внутренней занятости своими проблемами не уменьшили свое глобальное влияние и, как они сами говорят, чтобы сохранялась возможность со всех уголков земли видеть ценности свободы и демократии Вашингтона. Мы хотим, чтобы европейская внутренняя солидарность была бы действенной, по меньшей мере, во время всей работы Европейской Комиссии, а не как эксклюзивное и чрезвычайное событие. Мы очень хотим, чтобы президенту Медведеву удалось реализовать план модернизации России и чтобы высказанное им осуждение сталинизма стало хорошим началом пути России к сердцам и умам своих соседей. Но я хочу сказать своим согражданам в Латвии: нам никто ничего не должен! Мы не живем в мире, где, с одной стороны, нас ласкает мать Тереза, а с другой - пугает Иван Грозный. Мы входим в западные организации, которые связаны тесным партнерством с нашим тысячелетним соседом – Россией».

Министр выразил надежду, что в следующем году «Балтийский Форум» пройдет под совместным патронажем МИД ЛР и МИД РФ, и что конференция превратится в настоящий диалог между Латвией и Россией, в котором примет участие весь спектр политических сил обеих стран, диалог, который дополнят союзники и партнеры Латвии. Он призвал участников к открытости: «Как в свое время президент США Рональд Рейган предложил - «Снесите эту стену!», в данном случае - стену предубеждений. Чтобы и другие политические силы двух стран могли высказаться и встретиться с вами. Не будем идеализировать или демонизировать друг друга, не будем искусственно вводить цензуру – и, по крайней мере, в рамках диалога будем принимать друг друга такими, какие мы есть, слушаем разные мнения».

Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Латвийской Республике

Александр Вешняков положительно оценил тенденцию развития российско-латвийских отношений и подчеркнул неизменность принципиального подхода России к выстраиванию взаимодействия с Латвией на основе принципов добрососедства.

«Обе наши страны очень сильно затронул мировой финансовый экономический кризис», – отметил посол. «В прошлом 2009 году произошло снижение показателей нашего взаимного товарооборота, по сравнению с 2008 годом почти в два раза. Объем нашего товарооборота был 4,5 млрд. \$, в том числе экспорт 4,1, а импорт 0,4 млрд. \$. В первом квартале текущего года рост объема взаимной торговли составил более 25%. Хотел бы особо отметить, что рост латвийского экспорта в России вырос почти на 30%.»

А. Вешняков особо выделил перспективы сотрудничества в сфере транзита, где Россия является главным партнером Латвии и около 70% грузов, которые перевозятся по железной дороге и проходят через морские порты страны являются российскими; а также в инвестиционном сотрудничестве, уровень которого пока не исчерпывает существующих возможностей. Объем накопленных прямых российских инвестиций в экономику страны по итогам 2009 года составил 509 млн. \$. Россия занимает только скромное 7 место среди основных инвесторов Латвии.

Посол подчеркнул, что Россия не согласна с ролью поставщика энергоносителей и сырья, в то время как производственное и научно-техническое сотрудничества остается в тени. Как актуальную для обеих стран А. Вешняков отметил задачу повышения конкурентоспособности экономики, диверсификации и переход на инновационный путь развития: «Интернационализация научно-исследовательских работ может способствовать выпуску конкурентоспособной продукции в интересах участников инновационных проектов. Такие проекты могли бы реализовываться на латвийской территории при софинансировании со стороны целевых структурных фондов ЕС», – сказал посол. Он отметил также необходимость развивать двустороннюю договорно-правовую базу во внешнеэкономической сфере, особо выделив ожидаемое подписание Соглашения об избежании двойного налогообложения и переговорный процесс по соглашению о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

Панельная дискуссия 1: Новая экономическая расстановка сил – новая геополитика?

Начиная дискуссию, председатель правления российского Института современного развития и председатель Наблюдательного совета «Балтийского форума» **Игорь Юргенс**, выразил мнение, что никаких революционных изменений в геополитике за последние годы не произошло, однако многие процессы уже обозначившиеся до того, были значительно ускорены.

«Логика конкуренции принуждает воспринимать нас чужое усиление как вызов, который требует защитных мер, а чужое ослабление как шанс, который необходимо использовать в собственных интересах. Но такая логика работает в том случае, если обеспечена качественная конкурентоспособность национальной экономики. И новые сильные, и новые слабые игроки мировой экономики для России важны настолько, насколько реально и продуктивно будет развитие с ними партнерства для модернизации», – отметил Юргенс.

Для России, по его мнению, мировой кризис не стал роковым испытанием, но вскрыл многие из проблем, о которых эксперты говорили задолго до кризиса: «Мы получили ясное подтверждение неустойчивости форсированного роста, основанного на притоке нефтедолларов и повышения роли государства в экономике, чувствительности таких проблем, как экспортная ориентация сырьевых отраслей, принципиальная слабость частной финансовой системы, зависимость от внешнего кредитования при накоплении огромных государственных финансовых резервов и значительном вывозе капитала». Поэтому «основной задачей для страны на период стабилизации стал выход на траекторию сбалансированного развития устойчивого к внешним воздействиям и сопровождающегося осовремениванием финансовой системы радикальным улучшением регулятивной среды. Главной движущей силой такого роста должны быть инвестиции и инновации».

Юргенс уточнил, что «дело не может ограничиться одними экономическими мерами. Требуется общая интегральная модернизация, в том числе модернизация политической сферы, социальных отношений, гражданского сознания. Одним из важнейших факторов способных как ускорить преодоление последствий кризиса, так и стать катализатором всеобъемлющей модернизации, является широкое вовлечение России в мировые интеграционные процессы – политические и экономические».

«Основные цели внешней политики будущей России постоянно ориентируются на формирование внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития страны. Ключевым условием достижения этой цели страна считает: сохранение мира, мирное разрешение возникающих межгосударственных проблем и противоречий; недопущение конфронтации с какими то ни было крупными международными игроками, при избегании односторонней зависимости от них. К числу приоритетных направлений внешней политики России по-прежнему относятся обеспечение безопасности, глобального признания нашей страны, как одного из мировых лидеров, суверенитета, а также дальнейшая интеграция в мировую экономику. Конфронтация стала для нас недопустимой роскошью и в этом можно видеть определенное конкурентное преимущество перед теми мировыми игроками, которые такую конфронтацию пока что могут себе позволить. Рано или поздно жизнь принудит все страны без исключения к кооперации и сотрудничеству как к единственному методу достижения успеха на международной арене», – отметил Юргенс.

Он выразил надежду, что после Ростовского саммита Россия-ЕС можно будет говорить о полноценной включенности ЕС в процессы российской модернизации и упомянул, что впервые в истории Российской Федерации в правительстве возник пост первого вице-преьера по интеграции с ЕС. Это означает, что Россия официально заявила курс на интеграцию с ЕС и подкрепляет это конкретными решениями.

Обращаясь к теме демократического развития в России, Игорь Юргенс отметил, что и сами россияне не вполне довольны уровнем демократического развития. В то же время, считает Юргенс, «сделан гигантский шаг вперед по сравнению с 1990-1991 годом, и конституционно и законодательно. У нас четыре парламентских партии, у нас довольно значительная свобода печатных и электронных СМИ, но мы сами при этом неудовлетворены некоторыми аспектами развития отечественной демократии».

Юргенс поддержал заявления ЕС о необходимости развивать эти свободы в России. Их, отметил он, поддерживает и президент РФ Медведев, выступивший со своей «Программой десяти шагов». Эта программа направлена на «постепенное нереволюционное, а эволюционное развитие демократии в России – обеспечение

представительства партий, не прошедших 7% рубеж в Госдуме и в Законодательных собраниях регионов, постепенное развитие выборных начал самоуправления в регионах и в губерниях и т.д. Своим личным поведением и общением с гражданским обществом, правозащитниками и оппозиционной прессой, президент дает пример тому, как эволюционно демократия может развиваться, не являясь препятствием для развития отношений с ЕС».

Говоря о российско-американских отношениях, Юргенс отметил, что выстраивание стратегического партнерства России и США также мало зависит от изменения экономического потенциала США: «На обозримую перспективу это крупнейшая экономика мира, но даже, если она ослабнет, так или иначе, это сотрудничество, стратегическое партнерство России и США должно наращиваться через усиление акцентов на развитие торгово-экономических и деловых связей, через заключение договоренности в области военно-стратегической стабильности на глобальном уровне, через построение новой системы европейской безопасности, через совместное противостояние мировому терроризму и экстремизму. Российско-американский диалог по постепенному сокращению стратегических ядерных вооружений способен вновь стать, как это было ранее, несущей конструкцией отношений двух великих держав и стабилизатором международной политики в целом».

Все это «не отменяет задачу их встраивания в обновленную реальность международных отношений. Россия и США, наряду с Японией и Китаем, это и стороны будущего тихоокеанского четырехугольника. Смещение же центра тяжести глобального экономического развития в азиатский тихоокеанский регион и постепенное возвышение Китая, меняют и будут менять привычную систему международной безопасности, сконструированной ранее на трансатлантической проблематике. Тихий океан постепенно превращается в Средиземное море 21 века», – подвел итоги Юргенс.

Посол Ханс-Фридрих фон Плётц (Германия) отверг распространенное мнение, что США теряют свою значимость в мировой политике. «Ни экономически, ни финансово, ни в военном отношении этого не происходит», – отметил посол. «Но будут другие страны, которые войдут на этот уровень мирового лидерства. Я думаю, что это Китай и Индия, которые постепенно догоняют США. Они становятся сильнее экономически и это неизбежно со временем приведет к каким-то политическим последствиям».

Фон Плётц уделил особое внимание предложениям президента РФ Медведева о новых переговорах по системе европейской безопасности, отметив, что это первое развернутое предложение по безопасности, которое было сделано РФ со времени ее возникновения. Он рассказал, что проект президента Медведева обсуждался в экспертной группе, которая должна была подготовить концепцию новой стратегии НАТО. В группе 28-ми стран, которые являются членами НАТО, был представлен достаточно широкий спектр мнений и взглядов. «Важно понять каковы соотношения между глобальными тенденциями геополитики, особенно имея в виду Китай, и предложениями президента Медведева.

Почему он сосредоточился не на глобальной безопасности, а на европейской? Я думаю, нам необходимо признать, что возможно имелось в виду, прежде всего, определить место России в отношении к другим странам Европы или, другими словами говоря, он хотел подчеркнуть идентичность российской цивилизации как европейской. Приходится констатировать, что есть некоторый разрыв в ценностях, о нем уже говорили. Но, если сравнить ЕС, НАТО и Россию, с одной стороны, и Китай, Россию и НАТО, с другой стороны, то там цивилизационный разрыв гораздо больше.

Итак, хорошая новость в том, что Россия определяет свою цивилизацию как часть европейской культуры. С точки зрения Европы и Азии, Россия – необходимый партнер и определенно желаемый партнер в работе по разрешению конфликтов, в том, что касается Средней Азии, Ирана, Пакистана, Северной Кореи и вообще партнер в решении глобальных угроз. Интегрировать Россию в стратегическое партнерство было бы также в наших интересах», – отметил посол.

Однако, считает фон Плётц, между Западом и Россией существуют существенные разногласия. Дискуссии в экспертной группе НАТО показали, что с одной стороны, правительства стран НАТО – соседей России имеют свой собственный взгляд на отношения с ней и подчеркивают, что сегодня благодаря членству в НАТО и в ЕС, их страны имеют беспрецедентный уровень безопасности, которого никогда не было раньше в их истории. Они также согласны с тем, что Россия не представляет угрозу НАТО, и что вероятность военного конфликта относительно невелика. С другой стороны, эти страны иногда испытывают трудности с пониманием того, как Россия формулирует свою будущую политику и перспективу. Поэтому эти страны подчеркивают важность пятого пункта договора НАТО о совместной защите стран НАТО в случае вооруженного нападения на одну из стран.

В то же время эти страны подчеркивают, что никто больше них не заинтересован в продуктивном и стабильном сотрудничестве с Россией. Поэтому экспертная группа предложила НАТО в качестве будущей стратегии в отношении России обеспечить уверенность в безопасности стран-членов НАТО и «необходимость в построении системы безопасности, которая включает в себя сотрудничество с Россией».

В то же время, отметил фон Плётц, «когда мы говорили с официальными лицами России о НАТО, нас разочаровали их взгляды. Восточное расширение НАТО, по их мнению – это угроза для РФ. Они не приветствуют готовность НАТО принимать на себя решения новых задач на территориях, выходящих за пределы Североатлантического альянса. НАТО, как они считают, принимает на себя функции ООН. К тому же, по их мнению, что НАТО и США это одно и то же, и что отношения между Россией и НАТО не могут быть лучше, чем отношения России и США. Это довольно разочарывающая оценка существующего положения дел.

Я надеюсь, что кризис повлияет и на осознание того, что полагаться в экономике исключительно на экспорт нефти, газа и других полезных ископаемых не может оставаться моделью современного конкурентоспособного общества. Это на самом деле является основной угрозой для будущего России. Кто же еще будет вашим партнером, если не ЕС, США, Канада, НАТО? Надо думать об укреплении доверия. Когда будут пройдены эти шаги, они послужат усилению определенного политического направления в отношениях стран, тогда уже можно будет говорить о всеобъемлющей структуре безопасности. Но это уже будет последующими, а не первыми шагами», – заключил посол.

Бывший заместитель государственного секретаря США, главный переговорщик по вопросам контроля вооружений и ныне ведущий директор McLarty **Посол Ричард Берт**, считает, что в международных отношениях достигнута определенная поворотная точка. «Возможно, что это самая главная точка после окончания холодной войны. Думаю, что сейчас мы вступаем в новую геоэкономическую эру», – отметил Берт.

«Мы являемся свидетелями перемен, но это не касается фундаментальной архитектуры международных отношений. Мы говорим об изменениях в тех практических подходах, которые мы используем для того, чтобы поддержать наши национальные интересы, также изменения в ментальности, которая позволит нам ставить во главу угла ситуацию, когда все в международных отношениях остаются в выигрыше.

Некоторые старые правила и регулятивные нормы старой геополитической системы уже не имеют значения. Мы перешли от биполярного к многополярному миру и воздействие определенных глобальных сил тоже изменилось. Экономический потенциал сейчас гораздо более важен, чем это было в прошлом. А военная мощь, по крайней мере для крупных держав, может быть, уже имеет не такое значение, как раньше. Собственно, идея ядерного противостояния, которая была одной из главных позиций в период Холодной войны, сейчас уже практически потеряла свою актуальность. Идея завоевания территории больше не является жизнеспособной альтернативой развития для крупных мировых держав».

Реальные геополитические проблемы и угрозы, по мнению Берта, теперь «не обязательно возникают от крупных, сильных стран, а скорее от стран, которые приближаются к критической точке своего развития; от слабых стран, которые угрожают своим соседям, от террористических группировок, которые действуют и на Северном Кавказе, и в других нестабильных регионах мира. Эти проблемы нам надо решать сегодня. Таким образом, мы сталкиваемся с новыми вызовами геополитического свойства в тоже время, когда на арене появляются новые сверхдержавы – страны БРИК, хотя источники экономического развития у них совершенно иные. Есть и второй ярус стран, которые начинают играть активную роль в международных отношениях. Для меня их важность подчеркивается событиями недельной давности, когда премьер-министры Турции и Бразилии приехали в Тегеран для того, чтобы провести переговоры по соглашению о высокообогащенном уране».

«Мы сейчас переходим к миру «Большой двадцатки», поэтому возникает вопрос: каковы же будут правила игры, когда будет большее количество стран, которые все больше будут преследовать цели, отличающиеся от целей других стран, входящих в эту двадцатку? Сможем ли мы сохранить режим свободной торговли и сопротивляться угрозам протекционизма? Сможем ли мы продолжить укреплять правила суверенности, невмешательства в дела других государств? Будет ли продолжен процесс экономической глобализации, который в определенной степени является движущей силой изменений международной архитектуры? Будет ли защищена сама по себе глобализация через процесс экономической интеграции или она начнет разваливаться?»

Берт предположил, что будущее – за «ухабиستم регионализмом», когда большие сверхдержавы отступят от своей доминирующей роли на региональном уровне. Это порождает ряд вопросов и озабоченностей. Например, в Азии военная мощь Китая начинает угрожать присутствию военных сил США в этом регионе и это пугает соседей Китая. Растущая роль и военная мощь Индии, связанная с инновациями, экономическими прорывами в области новых технологий, ведет к тому, что эта страна все больше воспринимает себя как региональную сверхдержаву.

Так же, по мнению Берта, возможно представить себе и усиление региональной роли Германии – доминирующей экономики ЕС. Тем не менее, для Германии выгодно сотрудничество с такими странами, как Франция и усиление ЕС как политического двигателя. Что касается же США, они не всегда оказывались готовы принимать жесткие

решения и выполнять их, а это имеет критически важное значение и ставит серьезный вызов перед США, если США хочет сохранить роль мирового лидера.

Перед Россией стоят очень сложные задачи, это прежде всего необходимость диверсифицировать российскую экономику. «Мы должны быть готовы содействовать России, например, в вопросе ее вступления в ВТО. Мы должны быть готовы помочь России интегрировать свою экономику с европейской экономикой и на всем Евроатлантическом пространстве, на международном уровне. Это имеет значение для идентичности России.

Россия заинтересована в создании прослойки среднего класса, который бы динамично развивался, получал бы лучшее образование, лучше боролся бы с коррупцией, был бы лучшей поддержкой правительству, был бы уверен в будущем не только для себя, но и своих потомков. Мы, безусловно, тоже заинтересованы в этом и это заполнит те пробелы ценностей, которые мы еще не все разделяем.

Сейчас российская экономическая политика, направленная на диверсификацию и модернизацию, это результат некоторых реалий, которые осознали российские лидеры, в частности тенденцию цен на энергию. Я полагаю, что это сигнал того, что они поняли, что нельзя, думая об экономических переменах, полагаться только на экспорт газа и нефти», – считает Берт.

Оценивая состояние мировой экономики после кризиса, Президент фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия) **Леонид Григорьев** отметил, что промышленному производству США еще надо пройти 8% назад до предкризисного уровня, что произойдет не раньше 2011 года. Президенту Обаме предстоят тяжелые выборы осенью. В ЕС в ядре минус 12%, как и в России. «Безработица тяжелая. Мы находимся в той стадии экономического кризиса, когда испуг от опасности обрушения банковской системы прошел, опасность второго грандиозного падения, кажется, прошла. Хотя вдруг появляется исландский вулкан и все парализует», – отметил экономист.

«Для России найти свой путь из кризиса – это колоссальная проблема. Да, человеческий капитал у нас на 90% европейский, а нефтегазовые ресурсы на 90% азиатские. Эта тяжелая между нами не цивилизационная борьба, и не по ценностям. У среднего класса россиян, включая те пару миллионов, которые живут в Европе и США, нет никакой разницы по ценностям. Но структура общества, бедность, тяжелейший кризис, конечно, создают проблемы.

Это проблема российской энергетической машины, которая ранее создавалась не для коммерческих целей. Мы россияне никогда не принимали решения, что при населении страны в 2 процента с небольшим от общего числа мирового населения и российскими 2% с небольшим от мирового ВВП, мы будем производить 11,5% мировой первичной энергии. Будем надеяться, что не будет греческого кризиса, потому что он затормозил бы мировое выздоровление еще на полгода. Если мы его переживем, тогда я с большим оптимизмом смотрю на будущее, потому что любые долговые проблемы уже 2011, 2012 года на общем подъеме будет легче перенести».

По мнению Леонида Григорьева, борьба между стимулами и необходимостью возврата к макроэкономической стабильности – это колоссальная проблема и для Латвии, и для России. Это и для США колоссальная проблема, и даже для Германии, потому что кто теперь соблюдает Маастрихтские нормы, теперь это мечта еще на 5-10 лет достичь их снова. «2010 и 2011 год будут очень тяжелые, потому что на фоне медленного

подъема, усталости людей, фирм от кризиса, может возникнуть большая социальная экономическая напряженность», – резюмировал он.

Панельная дискуссия 2: Новые модели и цели глобальной политики

Первый вице-президент Booz Allen Hamilton (США) **Дов Закхайм** отметил существенные изменения в отношении США к миру, начало которым положила первая война против Ирака в 1991 году. «То, что происходит сейчас, очень напоминает ту коалицию желающих. Все, кто хочет участвовать, могут вступать в коалицию – не только в военную коалицию, но и в финансовую. Мы понимаем, что коалиция – это необходимое условие для того, чтобы решать определенные проблемы», сказал Закхайм, отметив, что такая же коалиция важна сегодня и для решения экономических проблем.

«США больше не может диктовать миру свою волю. Но США, безусловно, является крупнейшей экономикой в мире. Способность Америки реагировать на такие явления, как финансовый кризис, гораздо лучше, чем у ЕС. Америка имеет экономическую мощь и способность решать и реагировать на самые острые проблемы. Мы считаем, что доллар еще много лет будет оставаться резервной валютой. Мы наблюдаем коррекцию, а не какие-то радикальные изменения. США не является сверхдержавой, не в этом дело. Мы являемся неременным условием для успешности международных решений. Попробуйте принять какие-то санкции без участия США или провести еще какие-то изменения. В этом вопросе обязательное условие – заручиться поддержкой США», – заключил Закхайм.

Продолжая разговор о международных коалициях, исполнительный директор «Центра Никсона» (США) **Пол Сондерс** отметил, что главный вопрос любой такой коалиции – что ожидается от ее участников? «Вопрос в том, какие страны готовы участвовать в коалиции и в каких – военных, экономических или других – целях. В какой степени они готовы на уступки для того, чтобы обеспечить такую поддержку? Если мы посмотрим, например, на Россию или Китай, то, судя по всему, они до сих пор проявляют меньшее желание пожертвовать своими интересами, или хотя бы их частью, ради коалиции», – отметил Сондерс.

Говоря о американо-российских отношениях, Сондерс отметил, что «есть две практические реальности, которые сдерживают успешное развитие отношений России и США – во-первых, это восприятие общественности США того, что происходит в России и как это отображается в СМИ. Это отражается и на действиях конгресса, когда ему необходимо принимать решения в вопросе достижения соглашений между США и Россией; во-вторых, это верховенство права. Этот принцип влияет и на экономические отношения США и России». Сондерс согласился, что американо-российские отношения недоразвиты с точки зрения потенциального масштаба двух стран.

Директор программ «Россия/Евразия» Германского совета по внешней политике **Александр Пар** был скептически в оценке готовности Германии к участию в решении глобальных проблем. «Германия предложила пакет мер поддержки Греции. Это огромная ноша для Германии. Мы уже потратили много денег для поддержки Восточной Германии, на поддержку банков в Германии – это были огромные траты. На мой взгляд, сложно ожидать большего от Германии», – сказал Пар.

Что касается ЕС, то, по мнению г-на Рара, потребуются не месяцы, а годы для того, чтобы снова консолидировать европейскую экономику. В частности, будут необходимы большие затраты на социальные нужды. Возможно, пострадает внешняя политика ЕС, и Европе будет довольно трудно активно участвовать в восточном партнерстве, влиять на события в таких районах, как Киргизия и т.д. По мнению Рара, ЕС стоит перед огромной задачей, никогда прежде нерешавшейся мирным путем – интеграция и попытка стать не только экономическим, но и политическим союзом. «Наконец-то у нас есть лиссабонский договор и какая-то общая экономическая политика. Финансовый кризис стал очередным препятствием на пути консенсуса, но, по крайней мере, сейчас есть уже действующие инструменты».

Говоря о роли и месте России в мире, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия) **Александр Дынкин** отметил, что спор о Европе или Азии для России уже оставлен позади: «Сейчас это тихоокеанская страна – и с психологической, и с исторической, и с географической, и с культурной точки зрения. Мы говорим о заметных и важных шагах в отношении внешней политики страны по отношению к таким странам как Украина, Норвегия, Польша, Киргизия. Мы совершенно точно высказали наше нежелание поддерживать эту так называемую «тюльпанную» революцию. Это видимые и реальные тенденции, это реальный путь и, может быть, это первое проявление политики модернизации, в том числе и внешних отношений».

«Стимул к модернизации может идти из ЕС, но отнюдь не из Китая. Если вы посмотрите на нашу политику в отношении Китая, то наши шаги достаточно осторожны сейчас. Безусловно, мы входим в новую стадию глобализации, где новые лидеры – Китай, Индия, может быть, страны Персидского залива. Эти страны сейчас становятся горячими сторонниками свободных экономических отношений без всякого препятствия и противодействия, но при этом не надо забывать, что там существует Политбюро, а не только Центральный Банк. Очень важный якорь нашей модернизации, основа модернизации – это экономическое сотрудничество и членство в ВТО. Мы ждем членство в ВТО дольше, чем ждал Китай. Вступление в ВТО России необходимо как можно скорее».

Картину внешнеполитических установок России дополнил **Игорь Юргенс**. Говоря об отношениях России с Ираном, он отметил, что последний всегда был достаточно хорошим партнером в отношениях с исламскими соседями России, например, с Таджикистаном. В ответ Дов Закхайм отметил, что если Россия ценит предсказуемость, то самая большая проблема с Ираном заключается в его непредсказуемости. Александр Дынкин отметил, что для России Иран – очень важный партнер, которому уделяется много внимания. «Мы не считаем, что возможно нанесение военного удара по Ирану, потому как это близко к нашим границам. Я думаю, что мы присоединимся к серьезным санкциям в отношении Ирана, но я не уверен, что это будет эффективно, потому что элита, сплотившаяся вокруг иранского президента Ахмадинежада собрала много активов, не только нефтяные, но и телекоммуникации, аэропорты и т.д. Это довольно могущественная финансовая группировка», – отметил Дынкин.

Дискуссия развернулась в отношении ближневосточных проблем. По мнению г-на Закхайма, «администрация Обамы думает, что может надавить на Израиль и в то же время успокоить мусульманский мир. Думаю, что они сейчас вынуждены признать, что очень трудно оказывать сильное давление на любую страну, особенно на такое демократическое государство, которым является Израиль. Премьер-министр Палестины пытается выстроить новые демократические институты и это у него получается

довольно успешно. Есть умеренный оптимизм даже в отношении проблемы Хамаса. Это несколько упрощает проблему. Отношения с Израилем, может быть, не так уж напряжены, как год назад. Опять же, Россия здесь может оказаться очень полезной, также как и Европа». И в США, по мнению Закхайма, превалирует мнение, что существующая ситуация больше не может продолжаться долго.

Ричард Берт был настроен более скептично: «Может быть, большинство израильтян и поддерживают идею двух государств, но правительство Израиля не поддерживает эту идею. И это большая проблема. Эти переговоры идут очень давно, но, по-моему, у нас осталось уже очень мало времени. Сами палестинцы, несмотря на поддержку Хамас, начинают терять веру в достижение финальной цели – создание двух государств. Все более или менее знают, чем на самом деле окончатся переговоры. Все признают, что это будет что-то вроде того, чего пытался добиться Билл Клинтон, и что обсуждали между собой израильские и палестинские лидеры в прошлом десятилетии. Проблема в нынешнем израильском правительстве. Необходимо, чтобы они хотели достичь решения», – считает Берт.

Закхайм призвал к осторожности в отношении Китая: «Если ВВП Китая не будет расти на 8% в год, то он столкнется со многими проблемами: миграция из сельских районов в городские, другие вопросы экономического и социального характера. Американские отношения с Китаем очень сложные. Война с ними не является неизбежной, но нет абсолютной уверенности в том, что ее не будет в более отдаленной будущем». Сходную точку зрения выразил и Александр Рар, указав на растущую роль Китая в Африке. «Я думаю, что мы можем представить себе кошмарный сценарий, когда Китай начнет бороться за контроль над транзитными путями в Азии за счет европейского контроля», – сказал он.

Панельная дискуссия 3: Европейско–российские отношения в Балтийском регионе: как использовать потенциал сотрудничества?

Начиная дискуссию о европейско-российских отношениях в регионе Балтийского моря, **Александр Дынкин** отметил, что этот регион – очень мощная экономическая группировка, экономический потенциал которой равен экономике Бразилии (Бразилия сегодня на восьмом месте в мире по ВВП), причем структура экономики Балтийского региона гораздо более совершенная, более прогрессивная и более инновационная. Это, а так же география региона, создают органичное пространство для взаимодействия России и ЕС.

Президент фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия) **Леонид Григорьев** начал с обзора положения дел после преодоления пика экономического кризиса. «Впервые за многие годы и за весь послевоенный период это первый кризис, когда упал мировой ВВП. Мы прошли очень опасную черту и должны быть счастливы, что выходим из кризиса, но должны быть при этом и очень осторожны. ЕС и России понадобится еще около года, чтобы дойти только до предкризисных уровней по промышленному производству», – предостерег Григорьев.

2010 год – все еще тяжелый год и для всего Балтийского региона. «Это не решается какими-то простыми макроэкономическими радикальными решениями, на 2011 год многие структурные параметры будут оставаться достаточно тяжелыми. И России, и многим другим странам региона, и Латвии особенно, понадобятся и решения на уровне отраслей, на уровне предприятий, нужно будет налаживать кооперацию. Если мы наладим кооперацию и раскроем потенциал компаний и бизнесменов на микроуровне, это поможет и России, и Латвии преодолеть последствия кризиса и выйти на уровень более качественной модернизации, в более качественный экономический рост», – обнадежил экономист.

Особого внимания, по мнению Григорьева, заслуживает изменившаяся ситуация в мировой энергетике: «Происходит постепенное мировое падение общего потребления жидкого топлива – падение во время кризиса, оно потом восстановится, затем будет пройдена нулевая черта и потом небольшой рост, но главное меняется структура. Потребление развивающегося мира идет вверх, а вот ОЭСР постепенно будет идти вниз. Поэтому меняется вся структура потребления на рынке.

Внутренняя структура потребления по странам также очень сильно меняется. Изменение структуры потребления нефти и газа с 1990 по 2007 год – это очень существенный фактор. Если раньше нефть и газ конкурировали на электростанциях, то теперь этого нет: газ это практически топливо для электростанций, нефть – это топливо транспорта».

Важна и ценовая ситуация на энергоносители: «Пока была невысокая цена на нефть, не были сделаны необходимые инвестиции. Поэтому сейчас для того, чтобы мир продолжал нормально себя чувствовать в области энергетике, цена должна сохраняться на определенном уровне.

Оказалось, что 70-80\$ – это примерно та цена, которую мир готов платить даже во время кризиса. Если бы цены держались в районе 30-40\$, начались бы огромные финансовые проблемы у экспортеров. Даже сейчас объемы бурения на месторождениях нефти и газа в мире упали примерно на 20-30%. Если бы цена на нефть составила 30\$, объемы буровых работ просто бы рухнули и тогда бы мы опять попали бы в порочный круг колебаний «низкие – высокие цены».

Бразильский этанол рентабелен в США только при цене нефти дороже 70\$. Почти нет проектов в нефтегазовой сфере, где можно было бы бурить при цене ниже 60\$. Т.е. оказывается, что 70-80\$ это не рыночное равновесие, когда цена сдерживается картелем, а это тот уровень, который устраивает в данной ситуации даже стран-потребителей, сторонников чистой конкуренции».

Сложной остается ситуация в российской энергетике: «мы экспортируем треть угля, треть газа, две трети нефти, занимаем огромное место в мировой энергетике – 11,5%. Мы экспортируем примерно 5,5%-6% мировой первичной энергии, это чудовищная для нашей страны величина».

По мнению директора исследовательских программ «Балтийского форума» (Латвия) **Виктор Макаров**, в Балтийском регионе исторически существуют две принципиально различные модели сотрудничества. Первая, «ганзейская» модель предполагает активную торговлю, сотрудничество, при соблюдении правил осуществления сделок, но при этом не требуя соблюдения единых ценностей. Эта модель действовала в

Балтийском регионе на протяжении многих веков и может продолжать действовать и в будущем.

Тем не менее, существует другая «северная» модель сотрудничества, которая делает этот регион уникальным и она гораздо более амбициозна. Она возникла в 20 веке из идеи о близости культур, ценностей и частично языков северных стран и привела к потрясающим результатам. Северным странам удалось создать важные общие институты, которые основаны на очень высокой степени доверия между странами, которые пока еще не достигнута на общеевропейском уровне.

По мнению Виктора Макарова, трудно утверждать, что Россия и другие страны региона имеют столь же близкие ценности. Евросоюзовская Стратегия для Балтийского моря при вовлечении России имеет большой потенциал, но культурные различия будут налагать ограничения на эти интеграционные процессы. Дело не только в экономическом сотрудничестве. Надо думать и о проекте глубокой интеграции, который включал в себя Россию. Такой проект стал бы западным вкладом в модернизацию России.

«На примере Балтийского региона видно, что, помимо обычных разногласий между странами, есть конфликты, связанные с историей и идентичностью. История во многом определяет то, как государства видят свои интересы и свою безопасность. Разное восприятие политики и разные ценности, создают пропасть между экономической рациональностью и соображениями безопасности», – сказал г-н Макаров. С другой стороны, соседи России, которых часто называют русофобами – Балтийские страны и Польша – на самом деле хотели бы видеть Россию в экономически хорошей форме, политически ориентированной на Запад. «Если эти страны начнут видеть Россию именно так, то это будет иметь позитивный эффект. Мы видели недавно шаги к примирению между Польшей и Россией, также уже видны ростки этого процесса и в Балтийских странах. Если это произойдет, можно будет сказать, что отношения России и ЕС вступили в новую фазу, что появились обнадеживающие перспективы появления политического мышления, которое ориентировано на будущее».

Виктор Макаров выделил три направления, в которых можно способствовать такому развитию. Во-первых, он призвал создать политический форум, который был бы посвящен именно вопросам сотрудничества ЕС и России в Балтийском регионе. Во-вторых, он призвал включить в этот процесс гражданское общество, развитие которого поможет уменьшить различие в ценностных системах. В-третьих, необходимо решить вопрос о визах. «Необходимо отменить визы для граждан России. Это вопрос отношений между ЕС и непосредственно гражданами России. Он не должен становиться предметом торга между правительствами. Есть только одно политическое препятствие – одновременно с Россией безвизовый режим должны получить Украина, Беларусь и некоторые другие страны».

Тему конкретных европейско-российских действий в Балтийском регионе продолжил **посол фон Плётц**: «Балтийские страны в отношении производства, распространения энергии достаточно небольшие игроки. А ЕС начался как союз угольной промышленности, которым управляли государства на коллективной основе. Такие же коллективные условия могут стать мерой по укреплению доверия и уверенности друг в друге. Традиционно порты Балтийских стран играли огромное значение для СССР. Надо совместно развивать инфраструктуру, использовать преимущества незамерзающих портов на Балтийском море. Это будет способствовать стабильным отношениям, что

хорошо для России, для ЕС и для каждой конкретной страны в Балтийском регионе», – предложил посол фон Плётц.

Директор центра «ЕС–Россия» (Брюссель) **Фрейзер Камерон**, напомнил, что Ростовский саммит «ЕС-Россия» стал 25-ым по счету: «Это самые бюрократические отношения в мире. У нас больше саммитов с Россией на уровне ЕС, чем саммитов с США. Мы регулярно встречаемся уже на протяжении многих лет. С учетом этой регулярности бесед и встреч, мы понимаем друг друга, но мы продолжаем говорить не друг с другом, а как бы мимо друг друга», – посетовал Камерон. Он особо выделил тему возможной российской модернизации и участия в ней ЕС. И то, и другое у многих на Западе вызывает скептическое отношение. «Концепция, которую отстаивает г-н Путин, направлена на то, чтобы сделать существующую систему более эффективной. Речь не идет о каких-то фундаментальных изменениях существующей системы, а о том, как инвестировать средства в нанотехнологии, как построить инновационные парки и т.д. Но это не будет эффективным», – считает эксперт. Европейский бизнес, по его словам, опасается, что у западных компаний нулевая перспектива получить справедливое к себе отношение в России, потому что там есть коррупция и сохраняется неуважение к принципу верховенства закона. «Мы должны помогать России, но это не должна быть помощь без условий. Такие условия уже частично определены для того, чтобы каждая сторона была бы в выигрыше», – отметил г-н Камерон.

Тем не менее, он указал, что у России есть и потенциал. Многие необходимо улучшить и в ЕС и, в том числе Балтийские страны, должны быть активны в этом. «Есть определенное потепление и сближение на политическом уровне. Сегодня уже говорили о Польше, США, Украине. Но есть проблемы у России и с Грузией и эта проблема никуда не исчезнет. Есть по-прежнему значительно количество стран-участниц ЕС, которые считают, что этот вопрос имеет центральное значение в отношениях с Россией, что она поощряла выход Южной Осетии и Абхазии из состава Грузии. Для многих стран это неприемлемо, это нарушение Хельсинских принципов и это проблемный вопрос, который необходимо решать».

Это ставит на повестку дня вопрос двусторонних отношений. Здесь надо понимать историческую концепцию для Балтийских стран, для Польши и других государств, которые вышли из советского блока и вступили в ЕС. У них сохраняются отрицательные эмоции по поводу России.

Мне кажется, что эта эпоха закончилась и сейчас есть другие тенденции, другие сигналы, которые, например, со стороны Польши очень четко выражает г-н Туск. То же самое наблюдается и со стороны Балтийских стран. Хотя два года назад я бы сказал, что эти двусторонние отношения препятствовали сближению отношений ЕС и России, то сейчас эти проблемы гораздо менее выражены».

Камерон поддержал мнение, что гражданское общество – критический важный элемент модернизации. «И г-н Медведев, и Европейская Комиссия отметили это как область, в которой еще много предстоит сделать. Может быть, Балтийские страны могли бы попытаться вовлечь в этот процесс русскоязычную часть общества, потому что россияне всегда говорят, что в некоторых странах ЕС не защищаются права русскоязычных меньшинств. Если мы можем продемонстрировать, что это не так, что они полностью интегрированы в общества своих стран, что они желают принимать участие в консультациях с участием членов гражданского общества, это будет очень продуктивно».

Другой важный вопрос – о визах, по мнению г-на Камерона, застрял на уровне министерств внутренних дел, а не во внешнеполитических ведомствах. Он отметил также неудовлетворенность западного бизнес-сообщества отношением со стороны России, требующей регистрироваться после проведения нескольких дней в России. Как пример сферы, где за последнее десятилетие в России произошли положительные изменения, г-н Камерон выделил пограничный контроль. Тем не менее и эта сфера продолжает работать как огромная бюрократическая машина, где все ожидают «откаты». Как создать бюрократию без коррупции – в этом, по мнению эксперта, самый большой вызов для России.

Реагируя на критику Камерона, **Александр Дынкин**, отметил, что коррупция – это общеевропейская проблема, и что есть примеры не вполне адекватного отношения к российским инвестициям на территории ЕС. Тем не менее, он согласился, что в России эти проблемы выражены в большей степени. **Александр Рар** отметил, что мы достаточно близки к тому, чтобы избавиться от визовых барьеров с Россией и Украиной. Европейские бизнес-элиты подталкивают свои правительства к отмене виз. Сейчас существует своего рода конкуренция за участие в партнерстве с Россией на пути модернизации ее экономики.

Директор по проблемам международного развития Института современного развития (Россия) **Сергей Кулик** считает, что даже во внутриевропейских консультациях, когда это касается непосредственно России, было бы желательным иногда консультироваться с Россией и показывать заинтересованность в участии с ее стороны. В случае Балтийской стратегии, по словам г-на Кулика, происходило так, что сначала была принята стратегия, и лишь потом с ней ознакомили Россию и предложили обсуждать и участвовать в ней.

«Существуют бюрократические обиды, которые влияют на ход дела. Когда мы говорим о действительно реальной и актуальной задаче подключения России к вопросу, связанному с Балтийской стратегией, должен быть такой дух сотрудничества, который не отпугивал бы людей, которые принимают и реализуют решения», – порекомендовал г-н Кулик, продолжив, что то же самое касается и Восточного партнерства. «Об этом мало пишут, но Россия предлагала свое участие в Восточном партнерстве, и даже была готова участвовать в финансировании Восточного партнерства, потому что это тоже касается постсоветских стран, стран СНГ и т.д. Нужно было хотя бы проконсультироваться с ней. Хотя бы на первых стадиях нужно было все обсудить и снять определенное беспокойство». Отсутствием таких консультаций, по мнению Кулика, отчасти объясняет негативную реакцию России на идею Восточного партнерства.

Касаясь вопроса виз, Кулик отметил серьезную проблему: позиция России заключается в том, чтобы в ближайшее время мы перешли к безвизовому режиму, а позиция ЕС – провести серьезную реформу в сторону облегчения визового режима. «В принципе, предложение ЕС имеет под собой больше оснований. Но если эту систему внедрять, когда она будет реализовываться, то, в том числе из-за бюрократических вопросов, перспектива введения безвизового режима при принятии позиции ЕС может быть отодвинута на неопределенное время, во всяком случае, не раньше 2020 года», – считает эксперт.

С визовым вопросом связаны и проблемы пограничного контроля, а также проблемы миграции и заключения договора о реадмиссии с третьими странами. Сергей Кулик выразил надежду, что ЕС сможет помочь своим давлением на определенные страны,

которые пока не желают подписывать договоры о реадмиссии с Россией. Такие договоры необходимы для модернизации визового режима между ЕС и Россией с перспективой перехода на безвизовый режим.

Говоря о площадках для эффективной кооперации России с ЕС в Балтийском регионе, г-н Кулик особо выделил Совет государств Балтийского моря. Пока эта организация, в отличие от Северного измерения, работает неэффективно. Тем не менее, эту структуру нельзя забывать и нужно думать о том, чтобы ее активизировать, чтобы она заработала более эффективно и целенаправленно.

Сергей Кулик упомянул ряд рекомендаций, предложенных Институтом современного развития. Среди них – создание надблоковой структуры между СНГ и ЕС, чтобы на этой площадке постепенно продвигаться к общеевропейскому экономическому пространству. Он очертил также несколько конкретных предложений для европейско-российского партнерства для модернизации. Эти предложения перекликаются с февральскими предложениями Еврокомиссии: разработка совместно с ЕС кодекса чести для работающих на российском рынке европейских компаний; выстраивание механизмов в сотрудничестве с ЕС в реализации судебной реформы; совершенствование регулятивной практики, стимулирующей прямые инвестиции; сближение законодательства сторон в этой сфере; привлечение и сопровождение долгосрочных инвестиций из стран ЕС путем создания совместных с иностранными инвесторами фондов, инвестиций в стратегических секторах, требующих модернизации; привлечение инвестиций из ЕС в рамках реализации программ реструктуризации экономики моногородов; привлечение инвесторов из стран ЕС для участия в российских программах приватизации части государственной собственности; совершенствование механизма координации торговой политики, позволяющей сторонам воздерживаться от дискриминационных мер в отношении друг друга; учет опыта ЕС в организации единого таможенного пространства России, Беларуси и Казахстана; более активная координация миграционной политики России и ЕС для привлечения в Россию квалифицированных иностранных работников и ученых; постоянная активная работа по достижению совместимости систем технического регулирования в России и ЕС; сближение законодательства России и ЕС о банкротстве и залоге; создание условий для увеличения иностранных компаний и т.д.

Леонид Григорьев обратился к вопросу европейско-российских энергетических отношениях. «У нас спадает напряжение в этих отношениях. Энергетические проекты становятся все больше коммерческими. Чем меньше политики в энергетике, тем лучше», – констатировал он. Однако, проблемы остаются. В частности, «возникает серьезнейшая проблема прогнозов. Европейские прогнозы потребления газа очень нестабильны. Нас все время спрашивали: вы инвестируете в добычу газа или нет? Будет газ или нет? Создавалась ситуация, в которой Россия становилась как бы ненадежным партнером в смысле объемов поставок в будущем. Теперь, наоборот, по прогнозам ЕС получается, что таких объемов газа уже не надо, а следовательно и не надо инвестировать в развитие отрасли. Это очень опасный подход к прогнозированию».

«Третий энергетический пакет» (новый план по либерализации рынка энергетики ЕС), по мнению Григорьева, в некоторых аспектах очень опасен: «Если внезапно разделить добывающую и транспортирующую систему в Европе, европейская транспортная система окажется физически недоразвита для нормальной либерализации. Сейчас европейские компании под давлением Брюсселя, готовятся к горизонтальному разделу своих компаний – добыча отдельно, транспорт отдельно. Кто будет инвестировать в

транспортную систему Европы? Каким образом транспортные компании будут осуществлять большие проекты? Газпром готов был инвестировать, но ему сказали: «не надо, ты - чужой». «Третий пакет» может привести к появлению европейского «Газплана», который будет собирать деньги и инвестировать куда «надо», куда решит комиссар по энергетике.

По мнению **Сергея Чернышева** директора Департамента экономического сотрудничества со странами СНГ Министерства экономического развития (Россия) и для ЕС, и для России важно не оставлять вокруг себя «серых зон»: «Нужно всегда договариваться с соседями на понятных и взаимоприемлемых принципах. Попытки игнорировать это привели к очень плохому результату. Они привели к тому, что ни у России, ни у наших соседей нет понимания того, как мы должны выглядеть в мире через 10-15-20 лет: совместно, отдельно, как враги, как соперники или же как друзья? В перспективе у нас и у Европы, которая западнее нас, и в которой Латвия играет роль медиатора, нет другого выбора, как пытаться построить общее экономическое пространство. Надо выстраивать общее экономическое пространство от Атлантики до Тихого океана и от Северо-Ледовитого океана до Памира», – предложил г-н Чернышев.

Многое уже делается: «ЕС начинает переговоры по соглашениям в ассоциации с восточно-европейскими странами СНГ. С Украиной они уже ведутся, с Молдовой мандат получен, осталось получить мандат на переговоры с Азербайджаном, Арменией, Грузией, которая вышла из СНГ, но продолжает оставаться на ее политической карте, и на Белоруссию.

Может быть, это потянется подольше по известным политическим причинам, но тоже рано или поздно состоится. Мы со своей стороны в прошлом году вступили в эксперимент по созданию таможенного союза с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Ничего подобного в мире никогда не делалось в такие сроки», – сказал г-н Чернышев, особо подчеркнув, что эта интеграционная группировка изначально создается на принципах, которые не противоречат экономическому законодательству ЕС и совместимы с ним».

Ведется работа над многосторонним соглашением о свободной торговле в рамках СНГ: «Это соглашение, которое в отличие от перекрестной системы двусторонних зон свободной торговли в рамках СНГ, которая действует сейчас, было бы своего рода генеральным соглашением о торговле в рамках СНГ. Т.е. это было бы соглашение, содержащее обязательные принципы системы разрешения споров, тоже основанное на нормальной мировой практике. Оно бы не противоречило не только ВТО, но и была бы в той системе регулирования, которая существует в ЕС и в его отношениях со странами-партнерами.

Соглашение об ассоциации ЕС имел с десятками стран, потом оно постепенно переросло в членство. Многостороннее соглашение о свободной торговле в СНГ, это примерно то же самое, что и соглашение об ассоциации ЕС и стран-партнеров», – пояснил г-н Чернышев. «Создавая систему экономического регулирования в таможенном союзе и постепенно перенося элементы этого экономического регулирования в зону свободной многосторонней торговли между странами СНГ, мы бы создавали правовые юридические и экономические предпосылки для того, чтобы создать зону свободной торговли от Атлантики до Владивостока. Эта концепция не реализуема в течение 1-2-3 лет, на ее реализацию потребуется как минимум 10-15 лет».

Член правления «Балтийского форума» **Абрам Клецкин** предостерег оттого, что, говоря об отношениях России и Европы, а тем более России и стран Балтии, нельзя забывать, что это не только внешнеполитические, но и внутривнутриполитические проблемы: «В каждой из этих стран существуют мощные силы, которым нужен в одном случае – Россия как враг, в другом – враг - Латвия, Литва... Пока мы все совместно не начнем бороться с этими силами, когда любая подвижка в сторону сотрудничества наших стран вызывает сопротивление, помогающее удержаться на политическом плаву определенным силам, то мы каждый по отдельности не сможем с ним справиться. Какие-то улучшения есть, но не надо себя уговаривать отдельным примером, как резко улучшились отношения с Польшей. Я не уверен, что эта весна приведет к обильному урожаю», – предостерег Клецкин.